

**РУССКАЯ
ПРАВДА**

**ВЛАДИМИР
ГУБАРЕВ**

**МОЯ
"ПРАВДА"**

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
БОЛЬШОЙ ГАЗЕТЫ**

Владимир Губарев

**Моя «Правда». Большие
тайны большой газеты**

«Алисторус»

2012

Губарев В. С.

Моя «Правда». Большие тайны большой газеты / В. С. Губарев — «Алисторус», 2012

В Советском Союзе главной газетой была «Правда». И слова «Правда», «правдист» всегда звучали гордо, потому что в главной газете страны работали выдающиеся журналисты, а в ее коридорах можно было встретить легендарных Михаила Шолохова и Константина Симонова, Юрия Гагарина и Германа Титова... Сюда приносили свои статьи академики и главные конструкторы, актеры и композиторы, великие певцы и балерины, герои своего времени. О «Правде» сложено много мифов и легенд, хватает и домыслов, несправедливых оценок. Но если непредубежденно, отстраняясь от новых идеологических штампов, оценивать наше прошлое, то нельзя не признать, что «Правда» играла гигантскую роль в судьбе страны, в судьбе каждого из ее граждан, утверждает автор книги – правдист, известный научный журналист, писатель Владимир Губарев.

© Губарев В. С., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

МОЯ «ПРАВДА»	5
«ТОЛЬКО НЕ ПОССОРЬ МЕНЯ С АКАДЕМИЕЙ!»	7
ПОЧЕМУ ИМЕННО ЗИЛ?	11
«ЛУНА-ТВЕРДАЯ!»	13
САМОУБИЙСТВО АМЕРИКИ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

В. С. Губарев

Моя «Правда»

Большие тайны большой газеты

МОЯ «ПРАВДА»

Малоизвестные страницы из истории самой известной газеты XX века

Юбилеи подкрадываются незаметно. Как-то не думаешь о том, что тому или иному событию исполняется энное количество «круглых» лет и что пропустить такое событие никак нельзя. Особенно если имеешь к нему прямое отношение.

Да и зачем поступать иначе?! Ведь юбилей – это прекрасная возможность вспомнить прошлое, встретиться с друзьями, вновь прикоснуться и прочувствовать неповторимые мгновения жизни, поделиться ими со знакомыми и незнакомыми друзьями, дать им понять, что прошлое плотно и неразрывно вплетено в настоящее, причем настолько неразделимо, что без него невозможно представить будущее.

Я говорю об этом потому, что газете «Правда» исполняется сто лет. И добрую половину из них я, так или иначе, связан с ней.

Напомнил мне о юбилее Вадим Горшенин, тоже правдист. Он спросил: «Как будем отмечать?» Вопрос-то простой, обычный, а вот ответа на него нет. И прежде всего потому, что нынешняя власть подобные юбилеи не только не приветствует, но и старается не замечать. Умалчивает. Якобы «из-за идеологических соображений». Смешновато звучит, но вполне актуально.

А каковы наши «идеологические соображения»?

Мы поняли, что юбилей надо отмечать нестандартно, но так, чтобы каждому, кто прикасался к «Правде», было приятно и волнительно вспоминать о том, что делала газета и правдисты, верно служившие ей. И рассказывать надо об этом без догм и штампов, которых, кстати, в «Правде» (как ни странно это звучит!) было меньше, чем в других газетах и журналах. Причина тому понятна: «Правде» не нужно было доказывать свою идеологическую позицию, а вот иным изданиям очень хотелось делать это постоянно...

«Служить бы рад, прислуживаться тошно...»

Нам выпала доля (счастье или беда? Я считаю – счастье...) служить.

100-летие «Правды» пришло неожиданно. Почему? Я прекрасно помню, как отмечались многие даты, даже то 50-летие газеты, которое, казалось бы, проходило совсем недавно. Это было торжественно и весело, слегка помпезно, но незабываемо.

Недавно я брал интервью у одного известного ученого, академика, лауреата множества престижных премий. Фрагмент нашей беседы опубликовал в «Правде». Принес ему номер. Он развернул газету, посмотрел на статью, а потом удивленно заметил: «Неужели и сегодня газета выходит?!» А потом задумался, помолчал и сказал: «Извините за мое незнание, а ведь совсем недавно я считал честью выступить в „Правде“, да и она не раз рассказывала о моих работах... Извините за незнание!»

Может быть, случай этот исключительный, но, тем не менее, если мы с вами люди культурные, если ценим прошлое, если с уважением относимся к своей стране, то мы обязательно должны понимать, что был Советский Союз, что в XX веке он во многом определял судьбу мира, развитие нашей цивилизации и человечества. А в Советском Союзе главной газетой была

газета «Правда». И слова «Правда», «правдист» всегда звучали очень гордо, потому что в этой газете работали выдающиеся журналисты, очень интересные люди, нестандартные. Я говорю об этом вполне ответственно, так как практически всю свою сознательную жизнь связан с домом на улице Правды, 24, где располагались раньше (а теперь по соседству) центральные газеты страны.

Я произношу слово «Правда» и сразу же вспоминаю, как увидел в ее коридорах Михаила Шолохова, а потом Бориса Полевого и Константина Симонова, в это здание заходили Юрий Гагарин и Герман Титов, а потом и все космонавты. Сюда приносили свои статьи академики и главные конструктора, актеры и композиторы, великие певцы и балерины, герои своего времени – в общем, очень многие легендарные люди XX века. Где еще можно было встретить их?!

Газету хорошо знали за границей. Она была символом страны. Мне довелось побывать во многих странах, наверное, их около пятидесяти. Достаточно было сказать, что работаю в «Правде», и ко мне всегда относились с уважением, знали, что я представляю главную газету Советского Союза.

О «Правде» сложено много мифов и легенд, хватает и домыслов. Говорится немало пошлости, хватает и несправедливых оценок – все это есть. Но если мы хотим непредубежденно, отстраняясь от новых идеологических штампов, оценивать наше прошлое, то мы обязаны признать, что «Правда» играла гигантскую роль в судьбе страны, в судьбе каждого из нас, и в моей судьбе особенно.

Фрагментами этой жизни я и хочу поделиться.

Моя «Правда» – это мозаика событий, в которых мне довелось участвовать и о которых я рассказывал в своих материалах. Моя «Правда» – это судьбы людей, которые сотрудничали с «Правдой» и о которых большинство узнавало впервые, хотя именно они во многом определяли достижения и трагедии нашего времени.

Моя «Правда» – это не история газеты, а лишь ее некоторые страницы, а потому сразу прошу прощения, если они грешат неточностями – ведь субъективный взгляд на происходящее зависит и от характера автора, и от его понимания действительности, и от его предчувствия будущего.

«ТОЛЬКО НЕ ПОССОРЬ МЕНЯ С АКАДЕМИЕЙ!»

На жизненном пути встречается очень много людей, но лишь некоторые из них заслуживают подлинного уважения и преклонения. Виктор Григорьевич Афанасьев – один из них. По крайней мере, для меня.

Мы познакомились летом 1976-го. Это было трудное, весьма драматическое время в моей судьбе. Я работал заместителем главного редактора «Комсомольской правды» – газеты, где 16 лет назад начинал литературным сотрудником. Конфликт возник не только в самой газете, но и в ЦК ВЛКСМ. Первым секретарем был Е.М. Тяжельников, который к этому времени уже успел состариться на своем посту, а потому очень «заботился» о своем будущем. Естественно, он мечтал о переходе в ЦК КПСС, на должность заведующего отделом пропаганды. А потому в это время он начал уделять особое внимание «Комсомольской правде», которая со времен Алексея Аджубея, Юрия Воронова и Бориса Панкина удерживала лидерство в журналистике. «Лидерство» подразумевает некоторую оппозиционность, и именно ее начал уничтожать Тяжельников. Времена были стабильные, предсказуемые, и «Комсомолка» на таком фоне выглядела «белой вороной». Тяжельников добивается назначения на пост главного редактора своего помощника Льва Корнешова – человека, плохо знакомого с журналистикой, но весьма преданного своему шефу.

В общем ситуация в газете начала резко меняться. Уходит Виталий Игнатенко, из ЦК комсомола присылают на его место еще одного функционера. Из «стариков» в руководстве остаюсь только я. Тут меня приглашает к себе Михаил Васильевич Зимянин, предлагает перейти в «Правду». Я соглашаюсь. Однако через несколько дней тот же Зимянин сообщает мне, что из «Комсомолки» меня не отпустят до съезда партии, который состоится весной. Еще на год я остаюсь на прежнем месте. И вот тут-то и начинаются те неприятные события, о которых я уже упоминал. По инициативе Корнешова на меня направляется донос (иначе трудно назвать ту бумагу!) в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. В нем описывают все мои «грехи», мол, использую служебное положение в личных целях, незаконно купил черную «Волгу» и, что меня весьма позабавило, соблазнил всех симпатичных девушек редакции. Наверное, это письмо могло иметь какие-то последствия, но я категорически отказался писать и давать любые объяснения, чем поставил в трудное положение работников партконтроля, да и ЦК партии тоже. Я заявил, что вся моя жизнь на виду и готов принять любое партийное наказание, если его заслуживаю.

Приблизительно через месяц меня вызвал к себе М.В. Зимянин, который был уже секретарем ЦК КПСС. Он сказал, что ко мне никаких претензий нет и у меня есть право выбора: остаться в «Комсомолке», уйти главным в «Смену» или перейти в «Правду» обозревателем по науке.

Естественно, я выбрал последнее и уже на следующий день был представлен на редколлегии.

Почему я так долго и подробно рассказываю о своем переходе из «Комсомолки» в «Правду»?

Дело в том, что это имеет прямое отношение к Виктору Григорьевичу Афанасьеву.

До заседания редколлегии я с ним не встречался, не беседовал, что само по себе было странным – обычно кандидату приходится изрядно побродить по коридорам «Правды», знакомясь с членами редколлегии. Более того, и после моего утверждения пару месяцев Афанасьев не вызывал меня. Правда, я видел, что мои материалы он читает внимательно. Несколько раз я писал словечко, которое он не любил – «подчеркнул» – и Виктор Григорьевич аккуратно исправлял на «сказал», «заметил» или «отметил». Впрочем, вскоре я убедился, что Главный внимательно читает всю газету, и уже это не могло не вызывать уважения.

В Москве случилось землетрясение, автоматические аппараты работали на Луне, началась новая экспедиция на «Салют», были присуждены Государственные премии по науке и технике – в общем, два-три материала в неделю я публиковал в «Правде». В коллективе меня приняли хорошо, и я уже почувствовал себя «правдистом». И только одного я не знал: что думает обо мне главный редактор. Мы практически не встречались с ним – на заседаниях редколлегии я не бывал, а к себе Главный меня не приглашал.

И вдруг вечером мы сталкиваемся с Афанасьевым в коридоре. «Володя, зайди ко мне через полчаса!» – сказал он.

Меня поразило, что он обратился ко мне по имени. Мне казалось, что его он не знает. Но было что-то теплое в той интонации, что прозвучала, и я понял, что речь пойдет не о материале, который стоял в номере.

Тот разговор с Афанасьевым я запомнил на всю жизнь. Он откровенно признался мне, что ему несколько раз звонили и из ЦК комсомола, и из ЦК партии и не советовали брать меня в «Правду». Более того, об этом просил даже Тяжелников, с которым Афанасьев работал еще в Челябинске. В общем, Виктору Григорьевичу говорили, что я «скандалист», «склочник» и «упрямец», а потому он со мной «намучается».

Я откровенно рассказал Афанасьеву о событиях в «Комсомолке», о своей судьбе и о своих интересах. И добавил: «Если я вам не буду нужен, то скажите об этом сегодня, а завтра я уйду сам! Без скандалов и борьбы, даже если будете не правы».

Афанасьев рассмеялся. «Первый раз слышу такое, – сказал он, – и такая договоренность мне нравится. Но тебе грозит опасность только в одном случае: не поссорь меня с Академией!»

Тут уж я рассмеялся: «Это невозможно, ведь там работают люди, которых я люблю и уважаю. По крайней мере, там есть возможность выбрать именно таких...»

С Афанасьевым я работал до его ухода из «Правды». В творчестве, в судьбе моей это были лучшие годы жизни.

Виктор Григорьевич никогда не был равнодушен к тому, что делали его коллеги (подчиненным себя я не считал, так же, как его начальником – у нас были разные должности и обязанности в газете, и мне было приятно, что Афанасьев разделяет эту точку зрения). У меня выходили книги и телефильмы, были поставлены первые спектакли по пьесам, и каждый раз Виктор Григорьевич что-то говорил об этом. Не хочу лгать, что всегда приятное, но, тем не менее, работа всегда была замечательна.

Ну а несколько эпизодов опять-таки я запомнил на всю жизнь, и они в полной мере характеризуют Виктора Григорьевича.

Около полуночи раздается дома звонок. Трубку снимает жена. Афанасьев представляется. Жена говорит, что я уехал на рыбалку, но должен с минуты на минуту появиться дома. «Пусть немедленно едет в редакцию, – говорит Виктор Григорьевич, – и обязательно захватит с собой виски: я знаю, что у него оно всегда есть!»

Вскоре я открываю дверь квартиры, и жена сообщает мне о приказе Главного.

Я знаю, что Афанасьев любит виски. Значит, есть неплохой повод выпить. Но каков повод и почему нужно ехать в редакцию ночью?! Хотя газета еще не подписана в печать, это случится около двух... В общем, еду в редакцию.

В кабинете Главного несколько человек. Номер уже подписан, но пока «сигнала» нет.

Виктор Григорьевич вдруг обнимает меня: «Поздравляю! Виски не забыл?»

«Нет», – отвечаю. Честно говоря, я шокирован...

«Вот вторая полоса, читай!» – говорит Афанасьев и обводит строку с моей фамилией...

Так я узнал, что мне присуждена Государственная премия СССР.

Виктор Григорьевич рассказал, что на заседании Политбюро при окончательном обсуждении новых лауреатов Госпремии по литературе и искусству неожиданно зашел разговор о моем телефильме, посвященном Юрию Гагарину. Оказывается, его смотрели все члены Полит-

бюро во главе с самим Л.И. Брежневым. Фильм понравился. И тут же зашел разговор о том, почему меня нет среди лауреатов. Естественно, все решилось мгновенно: моя фамилия возглавила список.

В тот вечер и в ту ночь, когда мы отмечали происшедшее, Афанасьев радовался так, будто эта премия присуждена ему... Впрочем, так и было – ведь премия правдисту присуждалась впервые за многие годы. Уже потом и сам Виктор Григорьевич был удостоен ее, и Всеволод Овчинников тоже. Но сам факт присуждения премии тогда значил для газеты многое – поэтому Виктор Григорьевич так воспринял случившееся.

...Была одна тайна в жизни «Правды», о которой знало всего несколько человек. Речь идет о воспоминаниях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Я писал главу «Космический Октябрь». По сравнению с Анатолием Аграновским, Аркадием Сахнинным, Александром Мурзиным, Виталием Ганюшкиным моя задача осложнялась тем, что я работал «попартизански»: мне было запрещено контактировать с сотрудниками военно-промышленной комиссии и тщательно скрывать от Д. Ф. Устинова и его окружения, что я занимаюсь такими воспоминаниями. «Крышей» стала «Правда». Все встречи и командировки, необходимые для подготовки воспоминаний, представлялись как выполнение заданий «Правды».

«Используй эту возможность, – сказал мне Афанасьев, – не каждому дано такое...»

Честно признаюсь: воспоминания Брежнева отошли на второй план, написал я их быстро. А в «Правде» появилось несколько десятков материалов, в которых приоткрывалась прекрасная и трагическая история нашей космонавтики и ракетной техники. В частности, удалось рассказать обо всех главных конструкторах, которые раньше были засекречены, об испытательных полигонах, о космодромах.

Поистине это были сенсационные материалы, и «пропуск» их на страницы «Правды» обеспечивался как раз «Воспоминаниями» Брежнева. К сожалению, судьба главы «Космический Октябрь» драматична. Было решено опубликовать ее в декабрьской книжке «Нового мира» ко дню рождения Л.И. Брежнева. Однако в ноябре 1982-го Леонид Ильич умирает, и тут же по «Космическому Октябрю» проходит рука космической цензуры. Из 150 страниц остается половина...

Ко мне много раз обращались с просьбой написать рецензию на «Воспоминания», в частности, на «космическую главу». Однажды пришла даже рекомендация «сверху» – от кого, не знаю. Захожу к Афанасьеву, спрашиваю: писать?

«Нельзя к самому себе относиться цинично!» – сказал он. Я запомнил эту фразу. Вспоминаю ее каждый раз, когда кто-то начинает спекулировать вокруг «Воспоминаний». Не представлялось возможным раньше сказать, но теперь это могу сделать: та работа была самого высокого уровня, в ней принимали участие крупные журналисты, мастера, а потому присуждение книге Л.И. Брежнева Ленинской премии вполне заслуженно.

Чернобыль. Об этой трагедии сказано и написано много. В. Г. Афанасьев сразу же поддержал меня, когда я решил поехать туда. Редактору отдела науки «Правды» иначе просто нельзя было – да и знал я о радиации побольше, чем другие, а потому в моей группе никто не переоблудился, хотя мы работали в самые трудные, первые дни катастрофы.

Именно Афанасьев направил меня в ЦК партии к А. Н. Яковлеву, когда я прилетел из Чернобыля 7 мая. И уже после разговора с ним я написал свою «Записку», в которой анализировалась ситуация вокруг Чернобыля.

Потом появилась пьеса «Саркофаг». Много событий, печальных и радостных, было вокруг нее и меня. Виктор Григорьевич всегда поддерживал меня, прислушивался к моему мнению. Это в тот период было важно, потому что борьба шла нешуточная.

Однажды он попросил меня спасти катер, который был куплен за 50 тысяч долларов для водных лыжников. Сборная страны тренировалась на Киевском водохранилище, а катер стоял у Чернобыльской АЭС.

Катер мы нашли. Его специально притопили в камышах, чтобы потом вывезти из зоны. Вертолетчики подняли катер, «грязи» было много, а потому его дезактивировали долго.

Несколько десятков человек – атомщики, химики, военные, саперы, вертолетчики, речники – принимали участие в этой спасательной экспедиции. Они знали, что это просьба главного редактора «Правды». Это было пропуском сквозь все контрольные пункты, которые уже надежно прикрыли Чернобыльскую зону.

Наверное, можно припомнить еще множество эпизодов работы в «Правде», которую возглавлял академик В.Г. Афанасьев. Но мне кажется, нужно обязательно остановиться на той публикации о Б.Н. Ельцине, которая, убежден, сказала на судьбе В.Г. Афанасьева.

То был воскресный вечер. Я вел номер. Было очень скучно. Номер полностью соответствовал настроению.

В «белом ТАССе» я прочел перевод статьи, опубликованной в итальянской газете. Это был рассказ о поездке Ельцина по Америке. Статья была написана не только с юмором, но и огромным количеством деталей, придумать которые было невозможно.

В.Г. Афанасьев колебался, когда я предложил перепечатать эту статью.

И все-таки он решился!

Думаю, это был один из главных поступков в его жизни – он преодолел самого себя, свои представления о партийности, о печати, о смысле всего, что мы делаем.

Статья вызвала взрыв эмоций. У каждого из тех, кто помнит то время, кто пережил его, свое отношение к Ельцину и его поездке по США. У меня оно не изменилось: считаю, что нужно было сделать все, чтобы не допустить Ельцина и его команду к власти. Я считал, что «Правда» должна была всей своей мощью стать на его пути. С этой точки зрения, публикация статьи из «Республики» была верной.

Однако Виктор Григорьевич не смог выдержать тот шквал критики, который со всех сторон обрушился на него. К сожалению, и в самой редакции подавляющее большинство считало публикацию ошибкой – правдисты шли на сотрудничество с Ельциным, искали контактов с его командой. На мой взгляд, такая позиция стала по сути дела предательством не только Афанасьева, но и «Правды».

М. С. Горбачев представлял на заседании редколлегии «Правды» нового главного редактора. Он сидел между двумя академиками – В. Г. Афанасьевым и И.Т. Фроловым. На самом деле, он находился между двумя мирами, не подозревая о своей печальной участи.

До нынешнего дня я горжусь тем, что тогда встал и сказал, что Горбачев и Политбюро совершают ошибку, освобождая от должности В.Г. Афанасьева, что это станет еще одной победой Ельцина. К сожалению, меня никто не поддержал... Впрочем, изменить что-либо уже было невозможно: колесо истории давило всех, кто попадался на его пути.

Через несколько дней новому редактору «Правды» я рассказал о нашем первом разговоре с В.Г. Афанасьевым, мол, по первому его требованию я уйду из газеты. И.Т. Фролову же я сказал, что уйду из «Правды» не тогда, когда он этого пожелает, а когда я этого захочу... Так и произошло... Такова была разница между двумя академиками, двумя философами, двумя главными редакторами «Правды».

ПОЧЕМУ ИМЕННО ЗИЛ?

В «Правде» широко отмечали только те юбилеи, о которых принималось специальное постановление Секретариата и Политбюро ЦК партии. В первом случае речь заходила о «локальных» событиях или конкретных людях. Во втором же, юбилеи должны отмечаться масштабно, по всей стране, во всех организациях, вне зависимости оттого, партийные они или нет.

В специальную группу, созданную в редакции, для освещения 60-летия Великого Октября был включен и я в качестве одного из руководителей. Надо было разработать детальный план всей кампании, утвердить его сначала на редколлегии, а потом и в ЦК партии.

Честно говоря, к разным юбилейным датам я относился хорошо, потому что считал, что есть возможность в полной мере проявить творческий подход, сделать «дату» нестандартной, выиграть в конкурентной борьбе, которая неизбежно возникала как между газетами, так и журналистами. Именно так я и относился к порученному редколлегий «Правды» делу. Тем более что нам (в группе были собраны молодые правдисты) представилась возможность в полной мере показать себя, да и ограничений особых не было – «Правда» стояла на пороге перемен, хотя не все это чувствовали, но главный редактор В.Г. Афанасьев это понимал и даже приветствовал.

В общем, план мы разработали неплохой, во многом оригинальный и необычный для газеты. В частности, особое внимание уделялось человеческим судьбам – было предложено несколько новых рубрик, позволяющих показать людей разных поколений, да и подход к историческим материалам тоже был новым.

Мы предложили шесть специальных номеров. Это, так сказать, «высший пилотаж в журналистике»: надо рассказать о том или ином событии с разных точек зрения, во всем многообразии и даже в разной стилистике. Только в этом случае целевой номер получится «читабельным», то есть интересным. И такие номера были разработаны.

Первый из них мы решили посвятить коллективу ЗИЛа. Не дожидаясь одобрения наших планов в ЦК партии, группа правдистов побывала на предприятии, вместе с дирекцией и парткомом наметили темы и практически быстро их реализовали. Номер уже был готов. Получился он неплохим: на примере одного предприятия было показано, как проходила индустриализация страны, какие задачи надо решать сегодня и какими путями идти дальше. ЗИЛ был представлен нестандартно на всех шести полосах «Правды».

Однако выпуск номера был приостановлен...

В ЦК партии по каким-то соображениям решили, что не следует «отдавать» газету ЗИЛу, мол, в стране есть и другие, не менее знаменитые предприятия.

Можно ли спасти специальный выпуск?

По слухам (а у нас были информаторы в ЦК), никаких претензий к номеру не было. Просто некоторые члены Политбюро не хотели бы усиления «хозяина Москвы» Гришина, а потому считали, что номер «Правды» – это своеобразная поддержка его.

Как человек, непосредственно связанный с подготовкой и выпуском этого номера, могу твердо заявить: первый секретарь горкома Москвы и понятия не имел о том, что мы планируем делать, он даже не знал, что мы работали на ЗИЛе и там готовили номер, который открывал кампанию по подготовке празднования юбилея 60-летия Октября.

Пришлось ехать в отдел пропаганды ЦК, где решили (я уже в этом не сомневался) не допустить выхода этого номера.

Наверное, так и случилось бы, если бы не пришла в голову простая мысль: я предложил заведующему сектором и его сотрудникам предложить предприятие, на котором побывали бы... Ленин и Брежнев!?

И спор закончился, так и не начавшись: ведь только на этом предприятии бывали оба, более того, Леонид Ильич Брежнев (точнее, его помощники) и выбрал ЗИЛ, потому что там выступал после революции Владимир Ильич...

Специальный номер «Правды» через несколько дней увидел свет, и он вскоре был признан коллегами как один из лучших в истории газеты.

Оглядываясь в прошлое, убеждаюсь, что именно в середине 70-х годов «характер» газеты изменился: она стала «человечней», менее официальной, хотя по-прежнему и оставалась главной.

Наверное, сегодня рассказать о ЗИЛе так, как мы это сделали много лет назад, невозможно – флагмана нашей промышленности уже не существует, на его территории слишком много складских помещений, а действующих цехов всего несколько. ЗИЛ из символа достижений страны превратился в символ ее деградации.

«ЛУНА-ТВЕРДАЯ!»

В тот предновогодний вечер он был грустным, и это отметили все, кто приходил к нему в кабинет по делу или просто поздравить с праздником. Впрочем, а какие основания для веселья?!

Боль в последние месяцы преследовала его постоянно. Он не мог сидеть долго в кресле, вставал, расхаживал по кабинету, но это не помогало – боль не отступала. Ночью долго не мог заснуть из-за нее же. Врачи успокаивали, мол, ничего страшного: небольшая операция, всего полчаса, максимум – час, но надо было выбрать целую неделю, чтобы отлежаться после операции в «Кремлевке». А где эта неделя?! Где ее взять?

Вот и тянул он время до новогодних праздников. Рассчитал, что если ляжет в больницу где-то 10 января, то к 17-му уже освободится от врачей, и тогда можно вплотную заняться очередным «лунником». Теперь уже не его, а Бабакина – всю планетную тематику он передал Георгию Николаевичу, тот, уверен, справится... Но все-таки чуть жалко, что ему не удалось завершить эту работу. Мечта все-таки...

Телефонный звонок.

Ярослав Голованов поздравлял с Новым годом. Не только от своего имени, от всей «Комсомолки». Сергей Павлович был признателен ребятам из этой газеты – ведь они нашли в своей библиотеке его «Ракетный полет в стратосфере». Книжечка была уничтожена сразу после его ареста, и Королев не рассчитывал ее увидеть. Даже в Ленинской библиотеке не сохранилось ни единого экземпляра. Подручные Ежова и Берии работали слаженно, чистили за собой усердно – все, что так или иначе было связано с «врагами народа», уничтожали. Вот и книжку его, инженера Королева, убрали отовсюду. Но вот в газете каким-то образом она сохранилась, и ребята из отдела науки торжественно преподнесли ему в подарок. Теперь и на фирме будет его самая первая работа...

Голованов не удержался, начал расспрашивать о последнем полете станции. Его интересовало, что же случилось – инженерная жилка не отпускала, и это нравилось Королеву.

– Следующий аппарат обязательно посадим! – твердо заверил Королев и положил трубку. Связь, конечно, защищенная, но кто даст гарантию, что ребята из КГБ не слушают?! Наверняка все фиксируют...

Еще раз перечитал гранки своей статьи, предназначенной для «Правды». Подписал их. Приходится пользоваться псевдонимом «профессор К. Сергеев». От кого все секретим? От своего же народа, в Америке давно знают, чем именно он занимается и кто какую должность занимает. Это у нас ничего не ведомо. Глупо и обидно. Но традиции надо блюсти: каждый новогодний номер «Правды» выходит с его статьей. Как жаль, что приходится убирать два абзаца, посвященные полету к Луне новой станции. Он так надеялся, что мягкая посадка все-таки случится, и тогда статья вышла бы триумфальной. А теперь – так, обычно...

Лунная эпопея развивалась весьма стремительно. После полета Юрия Гагарина американцы решили взять реванш на Луне. Почему же нам уступать?

Первый этап – мягкая посадка аппарата на поверхность.

Но что там? Какая Луна – твердая или там десятиметровый слой пыли?

У Королева было два заключения. Оба документа убедительные, усыпанные аргументами и фактами. И у обоих выводы неоспоримые. Одна группа астрономов утверждала, что на Луне почва твердая, а вторая столь же убедительно доказывала, что за многовековую историю Луны из-за постоянной бомбардировки метеоритами там образовался слой пыли, причем его толщина достигает 50-ти метров в кратерах, а на ровных участках – десяти... И математические расчеты представили математики убедительные. Им поверили почти все заместители Королева.

Он решил собрать совещание. Пригласил всех заинтересованных в лунной программе специалистов. Около двух часов шло совещание. Все переругались друг с другом, и только сам Королев не произнес ни слова. Смотрел и слушал. Словно ждал чего-то. Наконец, взял слово.

– Луна – твердая! – сказал он резко и, как обычно, безапелляционно.

Кто-то из астрономов все-таки возразил:

– Это еще доказать надо!

– Пожалуйста, – спокойно ответил Королев. Взял лист бумаги, размашисто написал: «Луна – твердая» и расписался «С. Королев». – Вам достаточно этого? – он протянул листок ученому.

И тут все дружно рассмеялись.

Стало понятно, почему Главный конструктор написал именно такую резолюцию: просто посадить аппарат на пылевую поверхность он не мог, станция сразу же утонула бы. Иное дело – твердая поверхность. На нее можно сбросить шарик со смещенным центром тяжести. Он поскакал бы по поверхности, а потом остановился – аппаратура внутри осталась бы целехонькой. Правда, все-таки к Луне надо подойти с небольшой скоростью, чтобы удар о поверхность был не сильным, а вот именно этого достичь не удавалось. Уже несколько аппаратов врезались в Луну с огромной скоростью, погасить ее на заключительном этапе не удавалось. Тем не менее, шаг за шагом мягкая посадка приближалась. Уже было ясно, что следующий аппарат должен прилуниться мягко, как и положено ему. Вот только изготовлялся он на фирме Бабакина, а не здесь, не на королевской.

Тому упорству и последовательности в изучении Луны можно было только удивляться. И мы, и американцы шли к ней шаг за шагом, в обеих странах еще теплилась надежда стать первыми, хотя СП. Королев лучше других понимал, насколько сложно теперь соревноваться с «американцами», как он их называл. У них и средств было побольше, да и возможностей тоже. Вся надежда у нас легла на Н-1, ту самую ракету-гиганта, которая могла бы удовлетворить все запросы ученых и военных. Однако работы по Н-1 шли тяжело, и все свои усилия Королев сосредоточил именно на ней. И, конечно же, на создании нового корабля.

Но до Луны все-таки добраться хотелось.

Это желание было естественным для всех, кто принимал участие в создании станций и кораблей. Это была мечта, почти детская. Ну какая там жизнь! Но все-таки было принято решение стерилизовать лунные аппараты, чтобы не занести туда микроорганизмы с Земли, которые, попав в столь необычные условия, могут быстро там распространиться. Вдруг зазеленеют футбольные поля, вырастут рощи и леса... В общем, фантазий хватало, над ними можно было посмеяться, но стерилизация автоматов была необходима!

«Не рано ли заигрывать с Луной?»

В дискуссии, которая развернулась по стране, часто звучали сентенции о селенитах.

Кто же они? И как выглядят?

Может быть, они такие миниатюрные и крошечные, как наши микробы?

А значит, надо создавать огромные термокамеры, в которых космические аппараты должны выдерживать высокие температуры и где не сможет выдержать ни один известный земной микроб!

И такие камеры появились на заводе межпланетных автоматических станций. Денег на них угрожали несметно, а проку в итоге совсем немного. Во-первых, станция прошла мимо Луны (промахнулись!), она прошла в стороне от нее, а потому пришлось выдумывать название новому внеземному телу. В конце концов, получилось неплохо: «новая планета Солнечной системы „Мечта“». Таким и вошел в историю первый, по сути, неудачный запуск на Луну...

Но к селенитам, ни к жизни на Луне он вообще не имел никакого отношения! Это так, космическое баловство – любой ценой застолбить собственные приоритеты, чтобы вокруг них поднимать пропагандистскую кампанию.

И что же, все не напрасно, на этот политический шум «клюнул» президент США. Джон Кеннеди объявил о приоритете в полете на Луну, мол, это будет реванш за поражение от русских в запуске первого спутника и первого человека в космос.

Так Луна стала в центре политических амбиций.

Аппараты один за другим шли к Луне. Это уже была не разведка ее, а поистине тотальное наступление.

Мне приходилось буквально раз в два месяца ездить в Ленинград, в научно-исследовательский институт телевидения. Тогда это был один из секретных «ящиков», работавших на оборонку, а, следовательно, и на космос. Директор его Игорь Росселевич водил по лабораториям, показывал, как будет работать телеаппаратура на Луне. В одной комнате стоял передатчик (тот, что будет на Луне), а в другой – приемник (тот, что на Земле). Помню первое фото, переданное из одной лаборатории в другую. Это был портрет Хрущева. При следующем приезде качество фотографии улучшилось, и это было заметно. В очередной раз фото получилось просто отличным! Однако при следующей встрече фото Хрущева исчезло, вместо него появился герб СССР. Что понятно, так как Хрущева уже сняли и отправили на пенсию. До сих пор сожалею, что не выпросил на память хотя бы одну фотографию... Впрочем, все происходящее проходило под грифом «секретно», я писал репортажи об уникальной аппаратуре, созданной нашими учеными и специалистами, но опубликовать материал не удавалось – лунники так и не достигали конечной цели.

Американцы с присущей им последовательностью и не рассчитывали сразу на посадку. Их аппараты снимали поверхность Луны с разных расстояний. Каждый раз они все ближе подбирались к ней.

Я оказался единственным человеком, кто регулярно получал от них пакет с подробной информацией о происходящем вблизи Луны. «Рейнджеры» все ближе подбирались к лунным кратерам, телевизионные передачи с аппарата шли до того самого момента, как он врезался в Луну. Безусловно, фото были уникальными, но все-таки по ним нельзя было понять, какова поверхность Луны.

Во время конференции по космосу в Варне мне довелось побеседовать с профессором У. Пиккерингом – одной из главных фигур в США по планетным исследованиям. Он записал мой адрес в Москве, и с той поры много лет через посольство я получал информацию от НАСА. Наиболее интересные материалы публиковал в «Клубе любознательных». Однажды там появились фотографии Луны, сделанные при подлете к ней «Рейнджера», и мне тут же позволили из Военно-промышленной комиссии Совета министров. Узнали, что пакеты от НАСА получаю регулярно, попросили показывать им все их содержимое. С тех пор ко мне приезжал курьер «сверху» и забирал пакет. Прошло совсем немного времени, и меня попросили самому не вскрывать эти пакеты, мол, в них содержится секретная информация.

Теперь уже я не мог печатать фото и материалы, в посольстве быстро поняли, куда поступает информация – пакеты мне перестали поступать... А жаль! Ведь вокруг Луны страсти только начали накаляться!

Но вернемся к январю 1966 года.

Смерть С. П. Королева была неожиданной и, к сожалению, неотвратимой.

Несколько лет спустя я поинтересовался у академика Б.В. Петровского, который оперировал Королева, можно ли было спасти ученого. Он сказал, что опухоль была уже очень большой, разрасталась стремительно, а потому предотвратить трагедию было невозможно.

В день похорон С. П. Королева монтажные работы на заводе межпланетных автоматических станций продолжались. Г. Н. Бабакин вернулся подавленным. Потом сказал: «Мы должны посадить аппарат на Луну и посвятим этот полет Сергею Павловичу».

3 февраля 1966 года «Луна-9» совершила мягкую посадку на Луну.

«Мячик» попрыгал, остановился, створки распахнулись. Телеаппаратура сработала отлично: картинка ушла на Землю.

Ее принимали не только у нас, но и в обсерватории Джодрелл Бэнк в Англии. Директор обсерватории Б. Ловелл сказал: «Я был сильно взволнован, когда наши телескопы регистрировали благополучную посадку автоматической станции „Луна-9“. Несколько минут спустя, когда были переданы сигналы, мы поняли, что это, по-видимому, телевизионные сигналы, которые можно преобразить в снимки с помощью оборудования, имеющегося в распоряжении газет. Я считаю, что эти снимки развеивают один миф, а именно – вековое убеждение, что Луна покрыта толстым слоем пыли. Характер снимков наводит на мысль, что поверхность Луны довольно пористая. Две фотографии получились очень удачными...»

Бернард Ловелл сообщил в Москву, что в его распоряжении есть снимки с Луны. Ответа не последовало. Оказывается, в Москве «лунные снимки» согласовывались с высшим начальством – то одного не могли найти, то другого, а сам Брежнев был на охоте – его не стали беспокоить...

Ловелл передал снимки Луны в печать. Именно фотографии, полученные в его обсерватории, были опубликованы во всех странах мира.

О реакции на новое достижение Советского Союза свидетельствуют комментарии специалистов из разных стран мира. Вот некоторые из них.

«Это замечательное, несравненное достижение, – заявил вице-президент Британского общества межпланетных сообщений К. Гэтленд. – Оно знаменует собой новую веху на пути советских научных исследований в космическом пространстве. Информация, которую сможет передавать „Луна-9“, представляет величайшую ценность для астрономов и других ученых всего мира. Советские ученые будут иметь важные сведения, представляющие огромный интерес для понимания эволюции и природы Луны. Впервые мы получили непосредственную информацию о поверхностном слое Луны...»

«Хоть это и ожидали в один прекрасный день, тем не менее, этот подвиг – совершенно выдающийся, – сказал Директор Национального центра по космическим исследованиям Франции Роберт Обиньер».

«Успех мягкой посадки русской станции „Луна-9“, – сказал руководитель Лаборатории реактивного движения Уильям Пиккеринг, – уже сам по себе многое добавил к нашим знаниям о поверхности Луны. Тот факт, что станция передает сигналы после посадки, показывает самое меньшее, что поверхность Луны достаточно прочна, чтобы выдерживать космический корабль...»

Мир во все голоса приветствовал новое достижение в космосе, и только наши газеты еще молчали. Мы опять оказались «крайними» – такое впечатление, будто нам известно гораздо меньше, чем нашим коллегам на Западе.

Такое положение просуществовало еще много лет. Пожалуй, только в начале 70-х годов удавалось опережать всех: однако в то время интерес к исследованиям Луны резко упал, так как американские астронавты исходили ее вдоль и поперек.

Но пока до их стартов было далеко – ведь шел февраль 1966 года, и мы еще претендовали на первенство в космических исследованиях. В частности, по изучению Луны и планет.

Когда нам дали «добро» на публикацию об успехе «Луны-9», было уже поздно.

К сожалению, подобных случаев в нашей пропаганде было немало, так как требовались всевозможные согласования «с заинтересованными организациями» да и нужно было получать разные визы «в инстанции». В общем, один писал, а семеро читали – поистине как в знаменитой русской пословице...

Ну а посвятить это выдающееся достижение в космосе памяти академика С. П. Королева так и не удалось. Президент Академии наук СССР попытался доказать в ЦК партии, что это

нужно обязательно сделать, но с ним не согласились. Он вернулся в Академию мрачным. Там мы ждали его.

– Решено посвятить этот успех очередному пленуму партии, – сказал он. – С властью вообще трудно спорить, а сейчас особенно, – добавил Мстислав Всеволодович. Потом он расстелил перед собой лунную панораму и тихо заметил, – а она действительно твердая и непробиваемая...

Я так и не понял, что он имел в виду – Луну или власть?

САМОУБИЙСТВО АМЕРИКИ

Сон разума, как известно, рождает чудовищ. Как остановить их? И возможно ли это?

Я задал эти вопросы себе, когда узнал о начале бомбардировок Югославии – стране, где бывал не один раз и где у меня много друзей.

Комментарии по телевидению были размытыми, дикторы зачитывали кем-то небрежно написанный текст, из которого не было понятно, какую именно позицию мы занимаем.

Да и разве можно молчать?!

Позвонил в редакции, с которыми сотрудничал. Предложил написать комментарий. Почувствовал, там в нем не нуждаются, мол, есть свои политические обозреватели.

И вот тут-то позвонили из «Правды»...

Грешен, я думал, что и там свои обозреватели откомментируют происходящее, зачем «нужен глас науки»?

Оказалось, что «нужен»! И это было приятно услышать, потому что, к сожалению, в последние годы власть не очень-то считается с мнением ученых: она будто «забывает» о них. А между прочим, именно наша наука могла бы остановить агрессию, если, конечно, на то была бы политическая воля.

Итак, сначала послушаем мудрых людей. Это предохранит наш разум от заблуждений и иллюзий, которых столь много в окружающем мире, что невольно думается: неужели вокруг только безумцы?

«Война становится все разрушительнее для человеческой культуры благодаря принципиально новым средствам нападения. Бомба, конечно, только тогда страшна, когда есть эффективные средства ее бросать. Благодаря тому, что научились применять реактивный принцип, самолеты и самолеты-снаряды летают теперь с предельной скоростью, и они являются основными факторами нападения. История неизменно показывает, что не существовало еще средств нападения, от которых не находили бы средств защиты. Но сейчас равновесие явно нарушено в пользу средств нападения. Восстановить это равновесие возможно, только найдя принципиально новые возможности в средствах защиты».

Описана ситуация над Югославией, не правда ли?

На самом деле это фрагмент из письма академика П. Л. Капицы от 3 января 1950 года. В то время была реальная угроза ядерной атаки США на Советский Союз, и выдающийся ученый пытался объяснить И.В. Сталину, что преимущества в том или ином оружии – явление временное.

К сожалению, уроки истории политики усваивают плохо...

Почему столь безнаказанно атакуют бомбардировщики и истребители НАТО? Ответ предельно прост: из-за эмбарго на поставку вооружений сербы не смогли закупить современное ракетное оружие, защищающее их воздушное пространство. У них есть несколько ракетных батарей, устаревших еще двадцать лет назад, которые легко обнаруживаются самолетами противника, а потому уничтожаются раньше, чем они успевают дать залп... Да и радиус поражения у них всего полтора десятка километров – маловато для современного боя... Эх, было бы парочку систем С-300 – таких, что мы недавно продали Греции... Кстати, почему стране, входящей в НАТО, можно покупать современные средства обороны, а сербам нельзя!?

Вот тут-то мы и подходим к глобальной стратегии США, которая планировалась еще три десятилетия назад, но начала осуществляться только в годы «перестройки» в СССР и особенно активно в последние десять лет. Прикрываясь словами о «дружбе», «разоружении», «новых мирных инициативах» и так далее, Америка осуществляла четкую военную доктрину, которая позволяла бы в любой точке земного шара осуществлять мощные ракетные и бомбовые удары, не теряя при этом свои самолеты и своих летчиков. Создание собственного сверхточного ору-

жия – это обеспечение интересов своего военно-промышленного комплекса, а введение всяческих «эмбарго» (под разными предлогами и разными методами!) – по сути дела разоружение потенциальных противников. Теперь легко определять, кто станет следующей жертвой американцев: те, кого они призывают или заставляют разоружаться... Сначала Ирак, потом Югославия, а потом? Уж не Россия ли? Ведь именно у нас под Новгородом и Костромой заливаются и взрываются ракетные шахты, у нас под контроль ставятся ядерные силы сдерживания... И обязательно это делается под присмотром американцев, которые настолько озабочены нашим процессом разоружения, что не только днюют и ночуют в наших ядерных центрах, но даже и цемент привозят из Америки, чтобы заливать им наши боевые шахты.

О том, что военная стратегия США меняется коренным образом и это дает американцам преимущество, выдающиеся ученые и конструкторы предупреждали давно. Несколько лет они пытаются «достучаться» до правительства, Госдумы, президента. Они бастовали и устраивали пресс-конференции, но и выступали на всевозможных съездах и комиссиях, а Владимир Нечай, директор Уральского Федерального ядерного центра, даже застрелился, надеясь привлечь хотя бы этим внимание к нуждам тех, кто обороняет Родину, но все это не было услышано, потому что чиновник глух и слеп, если речь идет не о его собственной выгоде и благополучии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.